

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ АБАЕВ

© 2001 г., ЭО, № 5

Б.А. Калоев

**ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ АБАЕВ
И ЕГО ВКЛАД В ЭТНОГРАФИЮ**

Василий Иванович Абаев – ученый-универсал мирового масштаба. Он внес неопределимый научный вклад в равной степени в языкознание, осетиноведение, иранистику, этимологию, фольклористику. Четырехтомный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» снискал ему мировую славу – это подлинно научный подвиг ученого. 15 декабря 2000 г. исполнилось 100 лет со дня рождения В.И. Абаева. Эта дата торжественно отмечалась в ноябре во Владикавказе на сессии представителей смежных наук Северного Кавказа и Закавказья, а в декабре – в Москве в Доме ученых отделением языка и литературы РАН с участием президентов и членов правительства республик Северной и Южной Осетии. В переполненном приездными гостями – почитателями таланта ученого, многочисленными представителями московской осетинской общины – зале звучали доклады, выступления, обращения видных ученых и общественных деятелей в адрес юбиляра, который, к сожалению, по состоянию здоровья не мог присутствовать на заседании. Тогда Василий Иванович немного приболел, а 18 марта 2001 г. его не стало.

До самых последних дней он напряженно работал над научными и публицистическими статьями, интересовался происходящими событиями, поддерживал контакты с отечественными и зарубежными учеными, среди которых немало друзей и почитателей его таланта. Из числа таких укажу, например, сравнительно недавно ушедшего из жизни выдающегося французского ученого-кавказоведа Ж. Дюмезиля, с которым В.И. Абаев много лет находился в дружеских отношениях, бывал у него в гостях,

постоянно обменивался научной информацией. Благодаря усилиям Василия Ивановича труды ученого по нартскому эпосу были переведены А.З. Алмазовой на русский язык¹.

Характеризуя В.И. Абаева как этнографа, особенно как этнографа-кавказоведа, я буду дополнять свой рассказ сведениями, которые получал от него во время многолетнего с ним общения и записывал в свой дневник. Впервые о В.И. Абаеве как известном ученом я услышал в далекие 1930-е годы от О.Н. Туаевой – первой осетинки-профессора, читавшей нам, студентам Северо-Осетинского государственного университета, курс лекций по осетинскому языку. Для подкрепления своей точки зрения она всегда ссылалась на авторитетное мнение ученого: «А вот Васо Абаев говорит то и то» или: «Он не согласен с тем-то» и т.д. Лично я познакомился с В.И. Абаевым лишь в 1949 г. в Ленинграде, будучи аспирантом Института этнографии АН СССР. Перед этим произошли следующие события: на одном из заседаний Ученого совета Института, где присутствовал и я, бурно обсуждалась вышедшая незадолго до этого монография В.И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» – многолетний фундаментальный труд ученого². Председательствующий на совете директор Института С.П. Толстов, размахивая книгой, обвинял ее автора в отходе от тогда еще господствовавшей в науке так называемой яфетической теории Марра.

Забегая вперед, отмечу, что тогда для меня, аспиранта второго года обучения, многое в этом выступлении было непонятно. Меня поразило лишь одно – резкий тон оратора. Позже я узнал, что оба ученых – С.П. Толстов и В.И. Абаев – изучали древние иранские народы и в чем-то не сошлись во взглядах, в частности в решении проблем, касающихся общей истории развития языков. Между ними возникла неприязнь, они перестали здороваться, что не раз приходилось замечать на научных форумах. Теперь, с выходом книги В.И. Абаева, у С.П. Толстова появилась возможность еще раз покритиковать своего оппонента. Дело в том, что оба ученых, будучи марристами, относились к учению Марра, который полностью отрицал сравнительное языкознание, каждый по-своему. В.И. Абаев, хотя и считался первым учеником Марра (что соответствовало действительности), в душе, как он поведал мне позднее в личной беседе, не воспринял новое учение своего учителя и следовал по пути других предшественников (А. Шегрена, В. Миллера), для которых единственным методом изучения языков был сравнительный. На мой вопрос, знал ли Марр о его отношении к этой теории, Василий Иванович ответил: «Конечно нет. Я не хотел обидеть его. Н.Я. Марр был выдающимся ученым, внесшим большой вклад в изучение древностей Кавказа. Но когда он отошел от кавказской тематики, перестал быть таковым».

Василий Иванович вспоминал: когда он был студентом второго курса Иранского отделения Ленинградского университета, где Н.Я. Марр читал лекции по кавказским и иранским языкам, Николай Яковлевич однажды после занятий остановил его и спросил, пойдет ли он работать к нему в Институт, который незадолго до этого был открыт. Для В.И. Абаева такое предложение, по его словам, было настолько неожиданным, что он не мог на него ответить, лишь пробормотав что-то вроде: «Может ли студент второго курса быть сотрудником Института?». Н.Я. Марр похлопал его по плечу, сказав: «Можете, для Вас это будет полезно»³. С этого времени В.И. Абаев стал штатным сотрудником основанного Марром Института языка и мышления Академии наук СССР, не имевшего еще своего помещения, отчего заседания проходили в его квартире с участием таких ученых, как И.Ю. Крачковский, В.В. Струве, И.А. Орбели и др. С большим уважением вспоминает В.И. Абаев о супруге Марра, Александре Андреевне, гостеприимством которой пользовался много лет, женщине доброй, отзывчивой, простой в общении, всегда скромно одетой. Благодаря ее щедрой душе дом Марра был всегда открыт для его многочисленных доброжелателей.

Со слов В.И. Абаева я узнал и о манере чтения Марром лекций, вызывавших большой интерес у студенческой молодежи, на которые приходили даже студенты других факультетов. Василий Иванович рассказывал: «Марр, приходя на лекцию, садился, раскладывая перед собой написанные листки и тихо начинал читать. Мы, зная его, с нетерпением ожидали, когда же он войдет в азарт и начнет обвинять во всех

грехах представителей сравнительного языкознания. И действительно, через некоторое время Марр начинал все больше возвышать голос, затем соскакивал со стула, листы летели в разные стороны, пенсне спадало и повисало на шнурке. В характере Марра преобладал грузинский темперамент, унаследованный от матери (отец его был шведом). После лекции можно было слышать такие разговоры студентов: "Все было очень интересно, но только ничего не понятно"⁴. И действительно, новое учение Марра о языках было мало постижимо даже для его заядлых поклонников.

Итак, хотя В.И. Абаев стал учеником Марра со студенческой скамьи, он не воспринял его учения, остался убежденным сторонником метода сравнительного языкознания. Пользуясь именно этим методом, он написал книгу «Осетинский язык и фольклор», ставшую, напомним, предметом обсуждения на Ученом совете Института этнографии. Второй том книги, по замыслу автора, должно было составить переиздание его книги «Нартовский эпос» (Дзауджикау, 1945). Однако по инициативе С.П. Толстова В.К. Гарданов написал на эту книгу разгромный отзыв. По всей вероятности, не без участия С.П. Толстова во включении данного текста в новую монографию было отказано, набор рассыпан. Очевидно, по этой же причине монографии «Нартовский эпос» не была присуждена Государственная премия, на соискание которой она была выдвинута.

Развернувшийся на Ученом совете диспут в книге В.И. Абаева был для меня большим открытием, вызвал желание познакомиться с ученым. Осенью 1949 г. у меня появилась такая возможность. Нас, группу аспирантов, отправили в Ленинград, где я до того никогда не был, для знакомства с достопримечательностями города, его музеями и библиотеками. Известно, что до Отечественной войны Академия наук СССР со своими институтами и учреждениями компактно располагалась в Ленинграде на Васильевском острове. В годы войны президиум Академии наук перевели в Москву, отдав ему дворец в Нескучном саду, где до этого располагался Музей народов СССР. В Москву перевели гуманитарные и технические институты Академии (оставив в Ленинграде их филиалы), в то же время открывались новые научные учреждения. Институт этнографии был создан в 1943 г., в Ленинграде находился его филиал, где работали в числе других два известных кавказоведа – Л.Б. Панек и Л.И. Лавров.

Приехав в Ленинград, я прежде всего встретился с Лидией Борисовной Панек, которая сразу же повела меня в Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра, где работал тогда В.И. Абаев, чтобы познакомиться с ним (покойный муж Л.Б. Панек, известный кавказовед А.Н. Генко был большим другом В.И. Абаева). Войдя в продолговатую комнату, мы застали ее хозяина за работой. Перед нами стоял мужчина около 50 лет, высокий, худощавый, в осетинской рубашке со стоячим воротником, застегнутым самодельными пуговицами из тесьмы, подпоясанной тонким кавказским ремнем, украшенным серебряными бляхами. Он встретил нас со свойственной ему мягкой улыбкой. Мы поздоровались. Л.Б. Панек представила меня, на что Василий Иванович, оглядев меня с головы до ног (я носил еще военную форму), сказал: «Теперь у нас будет и этнограф». Вскоре мы остались вдвоем. Я поздравил В.И. Абаева с выходом его новой книги, рассказал, как бурно ее обсуждали в Москве на заседании Ученого совета Института этнографии. Василий Иванович, хотя и слушал меня внимательно, ничего не сказал. Когда началась так называемая марровская дискуссия, в ходе которой учение Марра было признано «антинаучным», В.И. Абаеву (к тому времени он уже перевелся в Москву, став сотрудником Института языкознания АН СССР) предъявляли обвинения прямо противоположного характера – в «марризме», требуя от него публичного признания ошибок, для чего несколько раз созывались заседания Ученого совета Института.

Словом, я был очень рад тому, что лично познакомился с В.И. Абаевым, которого знал только понаслышке как выдающегося ученого. Уже в 1930-х годах он был широко известен в научном мире. Еще будучи студентом, он печатал научные статьи.

Так, в 1924 г. в журнале «Доклады Академии наук СССР» была опубликована его работа «Об ударении в осетинском языке», принесшая ему громкую славу.

В 1925 г. В.И. Абаев, окончив университет и продолжая работать в Институте Н.Я. Марра, опубликовал множество работ, посвященных различным проблемам языкознания. Многие разделы указанной выше монографии В.И. Абаева были выполнены им в 1920–1930-х годах. Тогда же он начал работать над составлением своего знаменитого четырехтомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка», не имеющего аналогов в отечественной науке.

Выход в 1945 г. монографии В.И. Абаева «Нартовский эпос» послужил мощным толчком для активного изучения эпических сказаний о нартах в фольклоре других горцев Северного Кавказа, для выявления его вариантов, оценки эпоса как памятника мирового значения. Большую пользу этим исследованиям принесли тематические всеозоные совещания, проводившиеся в 1957 г. в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и в 1963 г. в Сухуми, на которых основным докладчиком выступал В.И. Абаев. Совещания проходили очень бурно, среди многочисленных участников порой разгорались споры по поводу принадлежности эпоса к фольклорному фонду того или иного этноса.

Сухумское совещание отличалось еще и тем, что на нем праздновали открытие абхазского варианта нартского эпоса: до того времени абхазские нартские сказания были мало знакомы исследователям. На всю жизнь мне, участнику совещания, запомнилось абхазское гостеприимство. Публикацию текста эпоса на абхазском языке праздновала вся республика – нас везде встречали застольем.

Свои особенности имело и орджоникидзевское нартское совещание, проходившее в республиканском Доме советов при переполненном зале. Когда В.И. Абаев вышел к трибуне для выступления, весь зал встал, отдавая дань знаменитому ученому. Находившиеся в президиуме обкомовские руководители, не зная, как им быть в этой ситуации, остались сидеть, ведь стоя приветствовали обычно только высших партийных и государственных должностных лиц. Перед началом работы совещания нас, основных его участников, собрал первый секретарь обкома партии М. Агкацев, весьма далекий от науки, и потребовал, чтобы совещание прошло на высоком идейном уровне. Когда мы вышли, Василий Иванович с возмущением сказал: «Лучше бы он занимался своими делами, хотя бы тем, чтобы вовремя и без потерь убрать кукурузу!».

Несмотря на то что статей и книг, посвященных В.И. Абаеву, издано немало, подробности его жизни известны плохо. Василий Иванович – сын простого, в прошлом безземельного горца из высокогорной Осетии – с малых лет скитался в поисках средств к существованию. Сравнительно немногочисленный род Абаевых до Октябрьской революции был расселен исключительно в горах Осетии, составляя небольшие компактные поселения, из которых в Северной Осетии находились два в Цейском ущелье (по преданию, считающимся их первоначальным поселением), одно – в Заккинском ущелье, а еще два – в Южной Осетии в Сбийском ущелье, в верховьях р. Б. Лиахвы. В результате войн с татаро-монголами осетины были отеснены в горы Центрального Кавказа. В поисках новых мест поселений они постоянно передвигались из одного места в другое как внутри Осетии, так и на юг, нередко оседая в пределах собственно Грузии. Фамилия Абаевых не составляла исключения. Согласно русским источникам XVIII в., Абаевы, включая и непосредственных предков Василия Ивановича, выйдя из Сбийского ущелья тогда же (а может быть раньше), обосновались в Кобинской котловине, в сел. Ногкау («Новое село»), от которого Военно-Грузинская дорога поднимается до Крестового перевала и от него спускается по ущелью р. Арагви в Грузию. Открытая еще в XVIII в. для колесного сообщения, эта дорога оставалась до середины XIX в. единственным сухопутным путем, связывавшим через Кавказ Россию с Грузией. По ней проходили русские войска, чтобы помочь грузинам в борьбе против их внешних врагов, купеческие караваны, дипломаты, ученые, путешественники. Вследствие ее большого значения она не переставала функционировать

даже зимой при страшных снежных обвалах, часто спускавшихся особенно с северной стороны перевала, над которым возвышаются высочайшие горы с крутыми склонами. Выручали горцы-отходники из соседних ущелий горной Осетии, которые, нанимаясь на весь сезон, за небольшую оплату расчищали дорогу от снежных завалов. До сих пор на горных склонах видны остатки жилых построек, где ютились эти люди. По словам кобинских старцев, многие из них возвращались домой без гроша, нередко больными и искалеченными тяжелым трудом⁵.

Таким образом, жители Кобинской котловины (позже отдельные селения объединились в одно большое село Коби), находясь на оживленной Военно-Грузинской дороге, получили от этого определенные выгоды. В селе, например, было немало торговых заведений, принадлежавших, кроме местных хозяев, армянам и грузинам. Обширные пастбища Кобинской котловины давали возможность крестьянам содержать много дойных овец, из молока которых изготовляли превосходный сыр, известный под названием «кобински», славившийся по всему Кавказу. Его в немалом количестве вывозили и в столичные города России, неоднократно демонстрировали на всекавказских и всероссийских сельскохозяйственных выставках. Среди кобинцев своим высоким мастерством по изготовлению этого сыра особенно славилась Гаева, получившая, например, в 1888 г. на Харьковской всероссийской сельскохозяйственной выставке медаль «За усердие». В 1960-х годах во время экспедиции по горной Осетии мне удалось увидеть ее в доме Гаевых. К сожалению, мои старания получить медаль для музея не увенчались успехом – Гаевы не могли расстаться со своей фамильной реликвией⁶.

Итак, из этого описания читатель, наверное, получил некоторые представления о суровой родине В.И. Абаева, для которого она в его воспоминаниях была самой дорогой и любимой. Несмотря на тяжелые природные условия, ограниченность посевных площадей, кобинцы благодаря своему трудолюбию и предприимчивости жили в достатке. Поэтому, по словам Василия Ивановича среди других горцев их молодежь вела себя кичливо, называлась *къобы хъалтæ* – «горделивые кобинцы», выделялась добротными черкесками с дорогим кинжалом, поясом и газырями, украшенными серебром.

Известно, что любая фамилия может произойти от какого-то имени. По исследованиям В.Ф. Миллера, В.И. Абаева и нашим полевым этнографическим данным, в антропонимии осетин очень много иранских и тюркских имен, дошедших до них через скифо-сарматов и алан. С точки зрения этимологии, фамилия Абаевых происходит от тюркского имени *аба* (отец), а по народным преданиям осетин, они являются потомками древнего осетинского рода Агузовых (*Агъузатæ*) – Агуза, одного из пяти (по другой версии семи) сыновей легендарного героя Ос-Багатара, упоминаемого в древних исторических источниках как реальная личность⁷. О местном происхождении Абаевых свидетельствует и наличие у них родственных фамилий (Зораевы, Осиевы, Икаевы), ведущих свою родословную от одного корня. Такой родственный коллектив со строгой экзогамией у осетин называется *æрвадæлтæ*, а по классификации М.О. Косвена является патронимией того же порядка⁸.

Я уже говорил, что биография ученого, неизвестная до сих пор, требует своего освещения. Мне, близко общавшемуся с ним в течение многих лет (с 1950-х годов до наших дней), удалось получить данные, на основе которых можно представить ее хотя бы в общих чертах. Со слов Василия Ивановича мы узнаем, в частности, что его отец Уанкъа (по-церковному Иван) родом из упомянутых выше сбийских Абаевых, из сел. Нижнее Сба в Южной Осетии, еще молодым покинул родину и обосновался в сел. Коби по Военно-Грузинской дороге. Считаясь пришлым (*æрцæуæг*), он в отличие от коренных жителей (*бындурон*) не имел своей земли и другого имущества, не пользовался никакими правами в обществе. Работая в дорожном строительстве, а также по найму у богатых хозяев, сумел накопить какое-то состояние. После женитьбы на девушке из семьи Дзаховых – коренных жителей ссла – он стал равноправным членом общества, владельцем земли и даже мог заниматься мелкой коммерцией.

У него родились три сына и две дочери. Василий Иванович был младшим из сыновей.

Первоначальное образование В.И. Абаев получил в местной сельской церковно-приходской школе, каких было немало в Осетии; он всегда помнил имя своего учителя – грузина Бараташвили, дьякона, который преподавал им Закон божий, а также учил чтению и письму. Ученый вспоминает, что в эти годы он впервые прочел книгу «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста Хетагурова, которая еще тогда покорила его. «И с тех пор до настоящего дня, – говорил он, – я не перестаю ею восхищаться»⁹. После окончания школы он задумался о продолжении учебы. Об этом Василий Иванович рассказывает так: «Когда я окончил приходскую школу, то многие из наших родственников советовали послать меня в ремесленное училище либо во Владикавказе, либо в Тифлисе. И мой отец готов был согласиться, но мать, хотя сама была женщиной неграмотной, слышала от знающих людей, что гимназия – школа более высокого уровня, и у нее было такое фанатичное желание обязательно дать своим детям самое лучшее образование, какое только было возможно. Она настояла на том, чтобы меня и моих старших братьев отдали в гимназию в Тифлисе»¹⁰. Из рассказа Василия Ивановича мы узнаем также, что его родители, желая дать своим детям престижное образование, переехали из Коби в Тифлис, заняв там небольшую квартиру и добывая средства к существованию мелкой торговлей. По словам Василия Ивановича, получение им, как и его братьями, права на бесплатное обучение в гимназии также является заслугой матери. Она, добившись приема у попечителя Кавказского учебного округа, объяснила ему на ломаном русском языке, что по бедности не может платить за обучение детей. В то время попечителем был Л.Г. Лопатинский, известный кавказовед и главный редактор популярного сборника «Материалы для описания местностей и племен Кавказа», отличавшийся добротой и уважительным отношением к горским народам Кавказа. Именно благодаря ему В.И. Абаев и его братья (Георгий и Семен), принятые в гимназию (он в VI классическую, они в III), получили бесплатное образование.

Гимназия дала мальчику глубокие знания во многих областях науки, сыгравшие большую роль в жизни будущего ученого. Он до последнего времени помнил различные события, произошедшие с ним в гимназии, фамилии и имена своих любимых учителей, имена товарищей по учебе. Особенно запомнились ему преподаватель истории Ефим Семенович Татешвили – известный грузинский историк и археолог, учитель французского языка Михаил Андреевич Зданевич, а также учитель немецкого языка, подаривший ему большую немецкую книгу – сборник рисунков и стихов Вильгельма Буша, до сих пор хранящуюся в его библиотеке. По словам Василия Ивановича, к чтению художественной литературы он пристрастился также в гимназии. В этом большую роль сыграл образовавшийся в его классе кружок книголюбов из восьми человек, которые на своих заседаниях регулярно обсуждали каждую прочитанную книгу.

Привожу воспоминание В.И. Абаева, записанное мной целиком: «Мы – члены этого кружка, – говорит он, – страстно любили читать. Чтение было нашей страстью. Мы были теми, кто теперь называется книголюбями, периодически собирались и устраивали совместное чтение. Притом, если кто-нибудь прочитал интересную книгу, то он сообщал остальным и мы, таким образом, составляли список рекомендуемой литературы... обсуждали прочитанные книги, высказывали свои соображения, замечания. Этот кружок сыграл большую роль в моей жизни, в моем образовании. Он дал мне не меньше, чем давала сама гимназия. Множество знаний в области естествознания и в области других наук, в особенности литературы, я получил в этом кружке. Туда входили ребята разных национальностей: грузины Месхи и Квершителы, русский – Лазарев, латыш – Занис, поляк – Келиц, был даже один серб – Пестич. Дело в том, что население Тифлиса в то время было очень пестрым: грузины тогда не составляли большинства населения. Больше всего было армян, затем – русских и на третьем месте – грузин. Кроме того, были представители и других национальностей. Произош-

ло это потому, что в царское время Кавказ так же, как и Сибирь, был местом ссылки, туда выселялись многие представители национальных меньшинств из Прибалтики, Польши и других регионов империи и многие оставались на Кавказе и становились, так сказать, кавказцами»¹¹.

В личной беседе Василий Иванович часто высказывал мысль, что выбор специальности для себя он сделал еще в гимназии, решив непременно стать философом, но, когда познакомился с книгой Вс. Миллера «Осетинские этюды», отказался от этой мысли. «Прочитав эту книгу, – говорил он, – я загорелся желанием как-то продолжить ту работу, которую проделал Миллер, а именно осветить историю осетинского народа в свете истории языка. Я, тогда же в гимназические годы, решил поехать в Петербург, в университет, где работал Вс. Миллер, и поступить на иранский факультет»¹². Итак, В.И. Абаев очень высоко ценил вклад этого ученого в осетиноведение и иранистику.

Окончив гимназию в 1918 г., когда в России уже шла гражданская война, свою мечту об университете Василий Иванович смог осуществить только осенью 1921 г. До этого он работал учителем в школе родного села. Он часто и с любовью вспоминает годы, проведенные им в школе, гордясь результатами своего труда, тем, что дал образование многим юным горцам, которые впоследствии стали видными специалистами в различных областях экономики и культуры.

Услышав, что правительство Горской республики отправляет группу молодых людей на учебу в Петербург, В.И. Абаев приехал во Владикавказ и был включен в ее состав. Группа эта, состоявшая почти целиком из осетин (за исключением одного ингуша), впоследствии пополнила ряды осетинской интеллигенции несколькими видными представителями: кроме В.И. Абаева, в их числе заслуживают упоминания известный советский скульптор С. Тавасиев и академик М. Медоев.

Отправка молодых людей в Петербург была затруднена: во время гражданской войны движение поездов почти полностью прекратилось. Но нашелся добрый человек – Марк Авсарагов, постоянный представитель Горской республики в Москве, взявший их в свой спецвагон. Василий Иванович вспоминает, что ехали очень долго, более 10 дней, так как вагон часто отцепляли и надолго ставили в тупик в ожидании следующего товарного или пассажирского состава. От Москвы до Петрограда (уже по восстановленной дороге) они добрались без проблем.

«В Петрограде, – рассказывает далее ученый, – распределяли нас по разверстке в определенные вузы. Каждый должен был поступить в вуз, и мне достался Электротехнический, хотя я просил об университете. Для того, чтобы формально закрепиться, я подал свои документы в Электротехнический институт и числился там студентом, а посещал лекции в основном в университете. А в 1922 г. перевелся из Электротехнического в университет, который в то время возглавлял профессор Николай Севастьянович Державин, брат моего тифлисского преподавателя географии Василия Севастьяновича Державина. Когда я у него был на приеме, то спросил: не его ли брат Василий Севастьянович? Он подтвердил, что это именно так и что он сам долгое время работал на Кавказе. Таким образом, мы оказались с ним в какой-то мере земляками. И с того времени и до окончания мною университета Н.С. Державин все время отечески заботился обо мне, в общем оказал мне большую поддержку. Много хорошего я получил от семьи Абацевых, была такая семья осетинская, жившая давно в Петрограде. Отца звали, кажется, Иосиф, две его дочери: одна Варя, имя другой забыл. Семья эта оказывала нам, осетинским студентам, гостеприимство, помогала как могла. Я всегда с большой благодарностью вспоминаю об этой семье... Мои занятия в университете проходили хорошо. Я сдал двухгодичный курс за один год, поэтому вместо пяти лет я закончил университет в четыре года. Я посещал много лекций, даже те, которые для меня не были обязательными, но мне хотелось глубже войти в гущу научной жизни университета, поэтому я ходил на самые различные курсы. Регулярно я посещал лекции Н.Я. Марра, которые меня очень интересовали, так как он касался вопросов кавказоведения в широком плане. Иногда его лекции

касались и осетинского народа, осетинского языка, и я был ревностным посетителем его лекций»¹³.

Высоко ценил В.И. Абаев лекции выдающихся историков – С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле, которые также активно посещал. Он был свидетелем происходивших в эти годы в университете бурных дискуссий между профессорами по вопросу признания новой власти. По его словам, некоторые из них свое отрицательное отношение к власти высказывали даже на своих лекциях. Н.Я. Марр, Н.С. Державин, как и ряд других ученых, говорит он, приветствовали Октябрьскую революцию, активно включались в подготовку научных кадров, создание новых научных учреждений и т.д. В.И. Абаев часто говорил с юмором о том, что никогда в своей долгой жизни не стремился к карьерному росту и единственный раз использовал знакомство – когда поступал в университет. Стремление обогатить науку новыми открытиями всегда было его первейшей задачей. Ученик Н.Я. Марра, отдавшего много лет изучению древних памятников Армении, В.И. Абаев не мог быть кабинетным ученым, что доказывается многими его работами, основанными на собственном полевом материале. Даже летний отпуск он посвящал розыскам такого материала, переезжая из одного региона Кавказа в другой. Ксения Харитоновна, ныне покойная супруга ученого, рассказывала, что Василий Иванович не любил отдыхать в санаториях, его раздражал звон тарелок и ложек; выезжая летом в отпуск, супруги не задерживались на одном месте более двух недель, исколесив таким образом за время совместной жизни весь Кавказ¹⁴.

Мне также хорошо известно, что ученый свой летний отпуск всегда проводил в поездках по разным местам Кавказа. Встречаясь со многими людьми, он получал нужный материал для работ, в частности в целях составления своего знаменитого четырехтомного историко-этимологического словаря, над которым трудился почти всю жизнь. В личной беседе Василий Иванович называл выполнение этой работы, которая едва ли по плечу даже целому коллективу ученых, «каторжным трудом». И действительно, нужно обладать огромным талантом и работоспособностью, чтобы завершить такой гигантский труд. Напомним, что последний четвертый том словаря вышел в 1989 г., когда автору исполнилось 89 лет. Мне приходилось быть свидетелем того, с какой самоотдачей Василий Иванович трудился над завершением словаря, строго распределяя свое время для достижения этой цели. Рабочий день у него продолжался с 6 часов утра с перерывами до позднего вечера. С коллегами и посетителями он мог общаться только по выходным дням.

Мало кто знает, что В.И. Абаев много лет тяжело болел костным туберкулезом, несколько раз подолгу лежал в больницах. В 1948 г. в Ленинграде, он, находясь в больнице, подготовил к печати свой фундаментальный труд «Осетинский язык и фольклор». После переезда в Москву Василию Ивановичу дважды пришлось лежать в больнице (1965, 1976 гг.) в Подмоскovie: первый раз в течение 6 месяцев он, закованный в гипс, неподвижно лежал на спине. Для работы ученому сделали своеобразный станок, давший ему возможность за это время завершить интересное исследование о языке ясов¹⁵. Тогда, приехав к нему, я застал его за работой, обложенным с обеих сторон книгами по специальности, доставленными ему его аспирантами и коллегами. Вспоминая это, вновь приходится удивляться стойкости и железной воле этого человека.

17 декабря 1994 г. (тогда ученому исполнилось 94 года) я сидел у него дома, а он говорил: «Я всю жизнь упорно трудился и сейчас не могу жить, не работая; труд для меня жизненная необходимость. Обладая этим свойством, я в какой-то мере мог выполнить поставленные цели». И в последующие годы, когда приходилось бывать у него дома, всегда я находил его либо за письменным столом, либо с аспирантами, которым он читал лекции по древнему персидскому языку.

Многие ожидали, что, завершив работу над историко-этимологическим словарем, В.И. Абаев займется написанием своих мемуаров. Однако, к сожалению, этого не случилось. В личной беседе он говорил, что не будет писать мемуары, так как не об-

ладает этим искусством и кроме того, не вел записей и многие события не помнит. Конечно, для науки это большая потеря. Василий Иванович мог бы рассказать немало интересного о своей жизни и становлении как специалиста, а также о выдающихся советских ученых (Н.Я. Марре, И.И. Мещанинове, И.А. Орбели, В.В. Струве, И.Ю. Крачковском, В.В. Виноградове и т.д.), с которыми много лет работал или общался.

Мне хорошо известно, что В.И. Абаев в последние годы довольно активно занимался политической историей и даже написал книгу, которая ждет своей публикации. В ней он, в частности, критикует либералов-реформаторов, по его словам, разваливших великую страну, а вместе с ней великую науку. Автор особенно был озабочен судьбой нашей молодежи. 9 августа 1999 г. в газете «Человек и право» вышла его статья «О происхождении языка», ранее уже опубликованная в одном из сибирских журналов¹⁶, в которой он вновь обратился к решению давно им разрабатывавшейся проблемы. При общении с В.И. Абаевым я часто слышал от него и такие слова: «Никогда не писал по заказу. Пишу то, что считаю нужным». Твердо придерживаясь этого принципа, он не участвовал или почти не участвовал в широко практикуемых в академических институтах коллективных работах, иначе бы не смог завершить свой гигантский труд – словарь.

Я уже говорил, что после переезда В.И. Абаева из Ленинграда в Москву у меня установились с ним оживленные контакты, он вовлек меня в орбиту своих научных дел. Занятый составлением словаря, он иногда перепоручал мне некоторые работы. Так, по его заданию и при его участии, я опубликовал в Москве два сводных текста нартского эпоса (по Южной и Северной Осетии), снабдив их предисловиями, комментариями и словарями. Мы участвовали во всесоюзных совещаниях по нартскому эпосу в 1957 и в 1963 гг., проходивших, как я уже упоминал, очень бурно. По его же просьбе я написал несколько статей по мифологии осетин для двухтомного словаря «Мифы народов мира» (М., 1980), занялся изучением венгерских алан (ясов), три раза ездил в Венгрию и издал о них книжку¹⁷. Итак, роль Василия Ивановича в моей творческой жизни была очень значительна. В.И. Абаев относился ко мне, как к младшему брату (разница в возрасте между нами 16 лет); в моей библиотеке хранятся несколько его работ с дарственной надписью: «С братской любовью».

Так как мы оба много ездили по Кавказу, изучали многие его народы, у нас было предостаточно тем для разговора. Поэтому Василий Иванович просил, чтобы я почаще бывал у него дома, что я и делал с большим удовольствием в течение многих лет. В то же время, пользуясь этой возможностью, ближе познакомился с его домашним бытом, записывал, возвращаясь домой, некоторые его высказывания по разным научным проблемам. В.И. Абаев сочетал в себе горскую культуру с европейской. Трудно определить, какая из них преобладала. Одно ясно, что его отличало прекрасное знание традиций, обычаев, быта горских народов Кавказа. Это было заметно даже при первом знакомстве с ним. Приведу лишь один пример из своей жизни: я не помню, чтобы он, принимая меня дома, прошел впереди меня: «Не полагается, – говорил он. – Гость должен идти впереди хозяина».

Знаю также, что в застолье Василий Иванович, хотя и любил тосты особенно талантливой тамады, сам их не произносил, считая, что не обладает этим искусством. До последних дней жизни он пил сухие вина, шампанское и даже коньяк. По его словам, сердце – это мощный орган и его надо оберегать прежде всего от переедания, регулярно совершать прогулки. Сам ученый мало ел, не употреблял мяса, сливочного масла, супов и т.д. Бытовые условия В.И. Абаева были более чем скромными. Много лет в Ленинграде он прожил в коммунальной квартире, там же написал лучшие свои работы; переехав в Москву, получил на двоих в академическом доме на Новопесчаной улице малогабаритную двухкомнатную квартиру, в которой рабочий кабинет служил ему и спальней, библиотека размещалась в шкафах в коридоре, гостей же хозяин принимал на кухне. У него не было ни дачи, ни машины. О приглашении иностранных ученых, многие из которых восхищались его талантом, не могло быть и речи, так как

их негде было принимать. Василий Иванович, дважды побывав в Париже в гостях у выдающегося французского ученого Ж. Дюмезиля, не мог пригласить его к себе.

По натуре В.И. Абаев был принципиален, обладал высоким чувством собственного достоинства. Мало кто знает, что он категорически отказывался защищать докторскую диссертацию, после того, как в 1930-х годах его недруги помешали ему сделать это, хотя любая его работа могла быть представлена в качестве докторской диссертации. Однако только в 1960-х годах Ученый совет Института языкознания без защиты и даже без его присутствия присвоил ему давно заслуженную степень доктора наук. Мне известно также, что принципиальная точка зрения ученого по ряду проблем общего языкознания помешала ему быть избранным даже членом-корреспондентом РАН. В то же время В.И. Абаев за выдающиеся открытия был удостоен многих правительственных наград, состоял членом нескольких зарубежных академий и научных обществ.

Выше говорилось, что после встречи с В.И. Абаевым я, придя домой, на память записывал его высказывания по разным вопросам науки, в том числе касающихся этнографии. Напомню некоторые из них. По словам ученого, многие институты первобытной общины зависят от экономической ситуации в каждом конкретном случае. С его точки зрения, гостеприимство «зависит от уровня жизни народа. Если народ живет бедно, то он не может принимать гостей. Сравните осетин с абхазцами, у которых я неоднократно бывал, они намного лучше живут и поэтому более гостеприимны»¹⁸. Обычай гостеприимства в его развитой форме В.И. Абаев находил только у жителей высокогорных районов, в то же время считая вполне объяснимым, что гостеприимство почти полностью исчезло у горцев, расселенных вдоль дорог, проходящих по перевалам Главного Кавказского хребта.

В.И. Абаев полагал, что, составляя историю осетин (как и других горцев), нужно отмечать особенность каждого села и ущелья. Он считал большим упущением отсутствие этого метода. Василий Иванович посоветовал мне написать этнографическую работу на основе данных, содержащихся в осетинских героических песнях. В некоторых из них можно найти следы нашествия Тимура, в других – борьбу горцев за независимость и против своих угнетателей – феодалов, князей и пр. После Великой Отечественной войны в Осетии возникло множество героических песен, посвященных прославленным в боях воинам – и погибшим во имя родины, и оставшимся в живых. Песни эти слагают народные умельцы в соответствии с древней традицией. Одни придумывают слова, другие мелодии, затем песню выносят на суд ценителей народных песен, исполняют ее в местах скопления людей, и после этого она становится достоянием народа, ее поют в сельских клубах и домах культуры, передают по радио и т.д.

Касаясь вопроса происхождения осетин, Василий Иванович говорил: «Обидно, что предки наши аланы не смогли создать свою письменность, не оставили хотя бы небольшой книжки». Объяснял он это тем, что аланы «больше были заняты военными походами... служили у разных правителей и нередко воевали друг с другом. Монголы заманили к себе много алан, которые занимали высокие посты в их войсках»¹⁹.

Приведу еще одно высказывание В.И. Абаева, касающееся сохранения осетинского языка, которым с XVIII в. (с момента появления первого европейца в Осетии) интересуется мировая наука, так как это единственный сохранившийся древний иранский язык, язык скифо-сармато-алан. Ученый был поражен тем, что его не знают многие носители. «В умах многих осетин, – говорил он, – существует мнение, что осетинский язык нужен только до Эльхотова (пограничное с Кабардой село. – Б.К.). Это сыграло роковую роль в исчезновении у многих осетин родного языка... язык сохраняется в семье; члены семьи дома должны разговаривать между собой только на родном языке, на стене комнаты у каждой семьи должен висеть плакат с надписью "здесь говорят только по-осетински"»²⁰.

Мне уже приходилось отмечать, что в работах А.В. Абаева красной нитью проходит известный тезис Я. Гримма «Наш язык есть также наша история»²¹. В.И. Аба-

ев писал: «Поскольку язык живет тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые, если суметь их читать, могут много рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит»²².

Исследуя осетинский язык и осетинскую народную словесность, В.И. Абаев выдвинул принципиально новое положение, которое не учитывалось дореволюционными исследователями осетин, в частности В.Ф. Миллером. Это доказательство участия в формировании осетинской народности и ее культуры местной кавказской среды, условно названной им субстратом. В.И. Абаев еще с 1920-х годов был одним из активных участников разработки теории субстрата, которую он, исходя из данных языков, определяет так: «Кавказский язык вошел в осетинский не просто как внешнее влияние – подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа... Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику»²³.

В связи с разработкой этногенеза многих народов бывшего Советского Союза (Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др.) теория субстрата с середины 1940-х годов приобрела особую актуальность и интерес к ней намного возрос не только у лингвистов, но и у специалистов смежных наук. Однако далеко не все ученые относились к ней с доверием. Поэтому назревала необходимость проведения научной дискуссии, которая состоялась осенью 1955 г. в Ленинграде. Наряду с лингвистами в ней участвовали археологи, антропологи и этнографы. Дискуссия шла главным образом по докладу В.И. Абаева, основные положения которого были приняты всеми ее участниками. В докладе особо подчеркивалось, что субстрат не является чисто лингвистическим явлением и что он представляет собой сложный этнографический процесс, сопровождающийся определенными языковыми последствиями. «Этнический субстрат, – говорил В.И. Абаев, – оставляет свой след не только в языке, но также и нередко в еще большей степени – в фольклоре, этнографии, в материальной культуре, наконец, в физическом облике народа»²⁴. В защиту этого положения выступили с конкретными фактами специалисты смежных наук, в числе которых были такие известные ученые, как И.А. Орбели, Б.Б. Пиотровский, Г.Ф. Дебеч, Д.А. Ольдерогге.

Проблема субстрата продолжала разрабатываться В.И. Абаевым и в последующие годы. Большое значение в этом отношении имели его выступления на научных сессиях по этногенезу балкарцев и карачаевцев в 1959 г. в Нальчике и осетин в 1966 г. в Орджоникидзе. На сессии в Нальчике доклад ученого был целиком посвящен аланскому субстрату в этногенезе балкарцев и карачаевцев, который, по данным самого В.И. Абаева и его предшественников (Вс. Миллера и М. Ковалевского), ярко прослеживается во всем: в топонимике, языке, материальной и духовной культуре, в домусульманских верованиях, общественном и семейном укладе, фольклоре и т.д.²⁵

На сессии по этногенезу осетин В.И. Абаев выступал в роли ее руководителя. В его докладе «Этногенез осетин по данным языка» речь шла о кавказском и иранском компонентах, участвовавших в этногенезе осетин. Как известно, по данным В.И. Абаева, В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, основанным на изучении осетинского языка, этнографии, фольклора, в этногенезе осетин, несмотря на наличие сильного местного субстрата, преобладает иранский элемент. «Новый этимологический материал, – говорил В.И. Абаев в своем докладе, – подтвердил, что основным и определяющим является индоевропейский, иранский слой. Удельный вес индоевропейской лексики оказался даже более значительным, чем можно было думать тридцать лет назад»²⁶.

Теория субстрата, впервые разработанная советскими учеными-лингвистами, прежде всего В.И. Абаевым, сыграла большую роль в решении сложнейших этногенетических проблем не только по отношению к народам Кавказа, но и многих других регионов бывшего Советского Союза. Яркое свидетельство этого – проходившая в 1960-х годах серия научных заседаний по проблемам происхождения народов Поволжья и ряда республик Средней Азии. На громадное значение теории субстрата

для решения проблемы этногенеза Василий Иванович указал и в другой работе: «На территории Советского Союза от глубокой древности проходили крупные передвижения этнических масс во всевозможных направлениях и посему имели место процессы этнического смешения. В некоторых местах этнический состав менялся по несколько раз на протяжении истории. Поэтому для изучения различных аспектов лингвистического субстрата у советских ученых обширное поле работы. Можно говорить о финском субстрате в севернорусском, о скифском субстрате в южнорусском и украинском, о кавказском субстрате в армянском и осетинском, иранском субстрате в узбекском, эвенкийском субстрате в якутском и т.д.»²⁷.

Весьма важное значение для решения проблемы этногенеза имеет созданная В.И. Абаевым теория ареальной лингвистики, занимающейся «изучением тех сходных явлений изоглоссов, которые возникают между языками определенного ареала в результате длительного соседства и контактного развития»²⁸. Блестящее применение этой теории мы находим во многих работах ученого, и в частности в его известной монографии «Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада»²⁹.

На основании историко-лингвистического исследования и сравнительного анализа данных фольклора и этнографии осетин в ней характеризуются скифо-сарматские контакты с германскими племенами, римлянами, прибалтами и славянскими народами. В этой работе, как и в ряде других, ученым выявлены элементы материальной культуры, мифологии, фольклора осетин, ведущих свое происхождение через древних иранцев от указанных народов. «Скифы учились земледелию у европейских народов, – пишет В.И. Абаев, – языковые данные полностью это подтверждают. Фактом является то, что в осетинском нет, пожалуй, ни одного земледельческого термина, кроме названия проса (*йæу*), который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому». Далее приводятся примеры осетинских земледельческих терминов, соответствующих терминам германских, балтийских, славянских языков³⁰.

Исследование ареальных контактов скифо-сарматов с народами Восточной Европы дало ученому возможность выявить наличие иранских языковых черт в языковом фонде этих народов, восходящих к доскифскому периоду, о чем свидетельствуют данные археологии и топонимики. Этот факт коренным образом меняет прежнюю точку зрения специалистов на скифов и их расселение: доказано, что осетинский язык – продолжение скифского; скифо-сарматы и аланы внесли значительный вклад в культуру многих народов бывшего Советского Союза, в том числе народов Кавказа. Особое внимание В.И. Абаев уделит исследованию скифского языка, выявлению скифо-сарматских черт в материальной культуре, фольклоре, мифологии и религии осетин. Составление им грамматики скифского языка на основе эпиграфических греческих надписей из Северного Причерноморья можно считать научным подвигом³¹.

Изучение В.И. Абаевым множества памятников языка скифо-сарматов и алан дало ему возможность также сделать заключение о чрезвычайной близости этого языка с осетинским; такое же сходство мы находим и в других областях их культуры. По этому поводу В.И. Абаев писал: «Из всех известных иранских языков скифский (язык) ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечается такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка»³². Некоторые скифские имена на эпиграфических памятниках совпадают с именами героев осетинского нартского эпоса (Созирико, Урызмаг, Ацамаз, Уæрхæг) и родоначальников нартских фамилий (Хсæртаг, Борæ)³³, что дает возможность судить об истоках первоначальных пластов этого памятника. В личных именах скифо-сарматов ярко отразились и пережитки тотемизма: часто встречаемы здесь имена двух тотемных животных – оленя (осет. – *саг*) и волка (*уæрхæг*). По-видимому, они играли большую роль в их жизни. В.И. Абаев показал, что само название скифов идет от тотема – оленя, так же как и имя родоначальника нартов *Уæрхæг*. Из названий, встречающихся в рассматриваемых эпиграфических памятниках, большого внимания, по определению В.И. Абаева, заслуживают *кан*

(осет. *гæн*) – конопля и *уава* (осет. *йæу*) – просо, самый распространенный хлебный злак в равнинной зоне Северного Кавказа, о чем свидетельствуют многочисленные археологические и письменные источники. Таковым он остался и в последующее время³⁴.

Таким образом, В.И. Абаев доказал, что эпиграфические данные, отразившие многие стороны жизни скифо-сарматов в VII–I вв. до н.э., указывают на преемственность их культуры осетинами и другими народами Кавказа и Евразии.

Этнограф-кавказовед также не может пройти мимо одной из ранних работ В.И. Абаева – «Свидетельства языка о культуре и быте древних осетин» (вошедшей затем как глава в его «Осетинский язык и фольклор»), в которой рассматривается происхождение названий различных отраслей хозяйства, сельскохозяйственных орудий, культурных растений, видов домашних и диких животных, предметов материальной культуры, а также социальных категорий, мифологических и религиозных терминов и т.д. По данным языка определяется степень развития земледелия, скотоводства, ремесла и других видов занятий у предков осетин³⁵.

Несомненным оригинальным этнографическим исследованием В.И. Абаева является его «Дохристианская религия алан» – работа, почти целиком основанная на данных нартского эпоса, языческих верований, мифологии осетин. В ней впервые обращено внимание на то, как отражен в эпосе процесс христианизации алан, начавшийся в V в. под влиянием Византии и Грузии и завершившийся в X в. основанием аланской епархии на Западном Кавказе. Особенно ярко это проявляется в эпизодах борьбы между языческими богами (среди них – знаменитый нартский герой Батраз) и христианскими святыми (Зада, Дауаги и др.), в которой первые терпят сокрушительное поражение. Вспомним хотя бы смерть того же Батраза и его похороны. Как подметил Абаев, многие языческие боги и покровители осетин, хорошо известные еще в верованиях древних иранцев, в процессе христианизации алан не исчезли, а приняли лишь имена христианских святых, по-прежнему выполняя присущие им функции. В этой работе, как и в других, В.И. Абаев полностью исключал влияние зороастризма на религию скифов, а следовательно и осетин³⁶.

В творчестве В.И. Абаева большое место отводится исследованиям исторических этноязыковых и этнокультурных контактов алан-осетин с соседними народами Кавказа. Разработка этой проблемы началась еще с 1930-х годов, в период проведения им продолжительных поездок в 1930, 1931 гг. по карачаевским и балкарским селам с целью изучения аланского субстрата в этногенезе этих народов. В языках балкарцев и карачаевцев он обнаружил 200 староосетинских слов, распространенных на всей их территории до верховьев Кубани. При этом, по его словам, аланские элементы не были заимствованы, как полагали Вс. Миллер и М. Ковалевский, а составляли основу или субстрат. Особое внимание заслуживает обилие в языках балкарском и карачаевском терминов – религиозных, мифологических, фольклорных, социальных, этнических, а также названий предметов материальной культуры, сходных с осетинскими. Все они восходят к древнекавказскому миру и аланской эпохе. Одним словом, аланские элементы в балкарском и карачаевском языках и культуре этих народов могут служить наглядной иллюстрацией и ярким подтверждением субстратной теории В.И. Абаева. Впрочем, он не отрицал и более древнего кавказского слоя в этногенезе этих народов³⁷.

Много внимания ученый уделил исследованию этнических и этнокультурных связей предков осетин-дигорцев с соседями (сванами, абхазами, мегрелами), посвятив им специальные работы, основанные на полевом материале, собранном им самим в трудные годы войны (1944–1945) непосредственно на территории расселения этих народов³⁸. Восточные аланы в отличие от западных менее изучены в плане этнокультурных связей с соседними народами. Однако этот пробел в значительной мере восполнен работой В.И. Абаева «Осетино-вайнахские лексические параллели», основанной на литературных источниках.

И все же по научной значимости ничто не сравнится с упомянутым выше четырех-

томным Историко-этимологическим словарем В.И. Абаева, в котором каждая словарная статья – это научное открытие. Словарь этот представляет собой неисчерпаемый этнографический источник для кавказоведов-этнографов и специалистов смежных наук. Каждый, кто интересуется, например, происхождением названий и терминов различных социальных категорий, предметов материальной и духовной культуры, языческих божеств и культов, семейных и общественных обычаев народов Кавказа, ареалом их распространения, найдет в словаре исчерпывающую информацию. Приведем лишь несколько примеров. Осетинское слово *абыраг* (разбойник) встречается почти в таком же варианте и у других народов Кавказа (груз. – *абрек*, абх. – *абраг*, каб. – *абрег*, балк. – *абрек*, инг. – *абарг* и т.д.), а также у терских и кубанских казаков. В.И. Абаев считает его персидским, воспринятым кавказскими народами не ранее начала XIX в. Появление абречества среди горцев дореволюционного Северного Кавказа, было вызвано социальной несправедливостью. Горец, уходя в абреки, грабил и убивал своих угнетателей -- местных феодалов и царских чиновников. Вспомним знаменитых абреков начала XX в. чеченца Зилимхана или осетина Заура³⁹. Не меньший интерес вызывает происхождение распространенного на Кавказе припева *Уараида* в песнях (осет. – *Урайда*; каб., адыг. – *Уарада*, убыхск. – *Уарада*; абх., абазинск. – *Уара(и)да*; балк. – *Уарайда*; груз. (диал.) – *Уара(й)да*). В.И. Абаев, анализируя припев, давно привлекавший к себе внимание исследователей, впервые подметил, что он существует и «на русской почве: *ей рей, ой ряди, уряди*», ссылаясь на предположение некоторых дореволюционных авторов, «согласно которому русские могли познакомиться с этим припевом на свадьбе Ивана Грозного с черкесской княжной Марией Темрюковной, где сопровождавшие невесту черкесы исполняли свои свадебные песни». Все это доказывает давность существования этого припева на Кавказе и его распространения у отмеченных выше народов.

Из терминов социальных институтов горцев Северного Кавказа особый интерес вызывает *хъан* (воспитанник), связанный с древним обычаем аталычества, нашедшим яркое отражение, например, в осетинском нартском эпосе. В послемонгольский период обычай получил значительное распространение среди феодальной верхушки адыгских народов, абхазов, кумыков и др. В.И. Абаев, анализируя термин *хъан*, отмечает, что он аналогичен с тюркским *хъан*, означающим «царь, хан». По его словам, «воспитанник назывался ханом, потому что он был окружен особой заботой и почетом. Следует учесть, что черкесы, по сведениям XVII в., брали на воспитание детей крымских ханов, чтобы этим высказать свою покорность. Стало быть, в этой среде "хан" и "воспитанник" могли обозначаться одним словом»⁴⁰.

Для этнографа-кавказоведа важное значение имеет происхождение названия *гутон* (плуг). По этому поводу среди исследователей имеются разные точки зрения. В.И. Абаев считает *гутон* общекавказским словом неизвестного происхождения: арм. – *гутан*, курд. – *котан*, азерб. – *котан*, груз. – *гутани*, абх. – *а-катан*, авар. – *кутан*, вайнах – *гуота*, балк. – *готан* и т.д. По его словам, «ни в одном из перечисленных языков слово не имеет этимологических корней». Ясно одно: по археологическим данным, это тяжелое пахотное орудие появилось на Кавказе не ранее VIII–IX вв., приди на смену малогабаритным земледельческим орудиям⁴¹.

Наконец, из множества полухристианских-полуязыческих божеств осетин, имена которых помещены в словаре, автор особое внимание уделяет наиболее популярному – *Уастырджи* (диг. *Уасгерги*). Его образ уходит корнями в скифо-сарматскую эпоху. В.И. Абаев, по своему обыкновению приводя о нем массу сведений из разных источников, считает, что осетинское *Уас Герге*, означая св. Георгий, примыкает не к греко-латинскому – *Геориус* и не к грузинскому – *Георги*, а к мегрельскому – *Герге*, видимо, потому, что мегрелы как ближайшие соседи средневековых алан могли передать им свое название святого. Впрочем, и у адыгских народов св. Георгий известен под тем же названием. Только неясно, откуда оно идет к ним – от мегрелов или алан? В.И. Абаев обращает внимание и на то, что у всех христианских народов св. Георгий

сохранил немало черт дохристианских культов солнечных, земледельческих, военных⁴². Яркое свидетельство тому – осетинский материал, по которому Уасгерге (Уастырдж) выполняет самые разные функции от пастуха до бога войны. Он появляется то в простой крестьянской одежде с пастушеской палкой, то на белом коне в белой бурке. Он – покровитель мужчин, воинов и путников.

Несомненный интерес для этнографа-кавказоведа представляет и происхождение термина *сауджин* («священник, поп»), означающий, по мнению В.И. Абаева, «буквально одетый в черное», другими словами, черные монахи, «бывшие первыми христианскими миссионерами в Алании». Из аланского, полагает он, идет кабардинское *шоген* (священник), от него – кабардинские фамилии *Шогенов* (Шовгенов) и *Шогенцуков*⁴³. Под этим названием священник известен и у других адыгских народов – одно из свидетельств весьма поверхностного наслоения у всех адыгских племен христианства, а также восприятия ими некоторых его черт от своих соседей-алан.

Итак, даже из этого беглого обзора нетрудно заметить содержащееся в трудах В.И. Абаева, в частности в его «Историко-этимологическом словаре», обилие материалов по разным вопросам этнографии и других смежных наук.

Примечания

- ¹ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976; *его же*. Скифы и нарты. М., 1978.
- ² Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Л.; М., 1949.
- ³ Калоев Б.А. Дневник (рукопись; хранится в личном архиве автора). Тетр.1. С. 15.
- ⁴ Там же. Тетр. 1. С. 5.
- ⁵ Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995. С. 38–69.
- ⁶ Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971. С. 114.
- ⁷ Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 217–260.
- ⁸ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 186–206.
- ⁹ Дневник. Тетр.1. С. 10.
- ¹⁰ Там же. С. 12.
- ¹¹ Там же. С. 15.
- ¹² Там же. С. 17.
- ¹³ Там же. С. 19.
- ¹⁴ Там же. С. 21.
- ¹⁵ Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан / Пер. с нем., прим. В.И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
- ¹⁶ Язык в океане знаков. Новосибирск, 1933. С. 12–19.
- ¹⁷ Калоев Б.А. Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996.
- ¹⁸ Дневник. Тетр. 1. С. 25.
- ¹⁹ Там же. С. 27.
- ²⁰ Там же. С. 30.
- ²¹ Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. С. 316–334.
- ²² Абаев В.И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 38.
- ²³ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 76.
- ²⁴ Абаев В.И. О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР (далее – ДСИЯ). М., 1956. С. 69.
- ²⁵ Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев: «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов 22–26 июня 1959». Нальчик, 1960. С. 132.
- ²⁶ Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Матер. науч. сессии, посвящ. проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 20.
- ²⁷ Абаев В.И. Язык и история. С. 40.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965.
- ³⁰ Там же. С. 143.
- ³¹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С. 148–243.
- ³² Там же. С. 239.
- ³³ Там же. С. 152.

³⁴ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 77–111.

³⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С. 48–94.

³⁶ Абаев В.И. Избранные труды. Т. II. М., 1990. С. 115.

³⁷ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С. 271–291.

³⁸ Там же. С. 309–323.

³⁹ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958. С. 25, 26.

⁴⁰ Там же. Т. II. С. 262.

⁴¹ Там же. Т. I. С. 527.

⁴² Там же. Т. IV. С. 49, 50.

⁴³ Там же. Т. IV. С. 45.

V.A. K a l o e v. Vasily Ivanovich Abaev and His Contribution to the Ethnography of the Caucasus

Vasily Ivanovich Abaev (1900 – 2001) is an outstanding scholar, the author of many works on the history of Iranian languages, has extended the comparativist methodology beyond the field of historic-linguistic studies into folklore and ethnography of the Ossetians and convincingly demonstrated that the Ossetian language is the direct descendant of the language of Scythians, Sarmats and Alans. With his substrata theory he was the first to establish the importance of the local Caucasian milieu for the formation of the Ossetian language, toponymy, and culture. Among his main publications are the monumental four-volume «Historic Etymological Dictionary of the Ossetian Language», «The Ossetian Language and Folklore», «The Nartian Epos», and «Pre-Christian Religion of the Alans».